

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К.И. Морозова

Самарский университет, Самара, Россия

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ ПРОВИНЦИАЛА¹

Аннотация. Сюжет жизни писателя А.К. Гольдебаева (Семёнова) развивался в совершенно разных социокультурных, культурно-исторических и природно-географических средах. Писатель родился в Самаре, где и прошла большая часть его жизни. С ней связаны и переломные моменты, повлиявшие на становление его личности и зажёгшие в его душе искру, из которой разгорелось пламя Апокалипсиса. Обострённое чувство восприятия действительности повлияло на то, что писатель видел те проявления окружающей жизни, которые не попадали в поле зрения многих его современников. Не менее важными для понимания мировоззрения писателя стали сюжетные действия, получившие развитие в Санкт-Петербурге и Франции, где Гольдебаеву повезло провести непродолжительные периоды своей жизни. Каждый из этих этапов биографии писателя в той или иной мере и степени нашёл отражение в его дневнике и в сюжетах его произведений. В рамках настоящей статьи мы подробно остановимся на исследовании «петербургского текста» повести «Подонки» (1904).

Ключевые слова: А.Г. Гольдебаев (Семёнов), Петербургский текст, повесть «Подонки».

Петербург оказал сильное влияние на формирование личности А.К. Гольдебаева. Там писатель периодически жил, начиная с 1883 года. В первый раз в пучину столичной жизни он окунулся, когда ему было около 20 лет. Все свои переживания и впечатления от столичной жизни писатель воплотил в сюжете повести «Подонки», увидевшей свет на страницах четырёх номеров журнала «Образование» за 1904 год.

Фабула повести достаточно динамична. Ее главный герой, 22-летний художник Вася Набросков, переехал в Петербург из Уфы учиться в частной «академии». Однажды он встретил на Невском проспекте прекрасную

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-312-90040 «Творчество А. К. Гольдебаева (Семёнова). Феномен «провинциального писателя» в русской литературе конца XIX – начала XX вв.

девушку с тёмными глазами. Ее звали Зинаидой Михайловной (для него – Зиной), как и его прежнюю любовь, а ныне – верного друга. Чуть позже выяснилось, что новая знакомая – одна из «теней Невского», то есть – проститутка. Но молодой человек всё же решился вступить с ней в близкие отношения. О своих душевных муках и переживаниях он рассказал Зинаиде Михайловне Шварц, приехавшей в Петербург. Выслушав исповедь Наброскова, а также его жалобы на плохое самочувствие, Зинаида Михайловна поставила ему страшный диагноз – люэс (сифилис), расписала курс лечения и вручила письмо, с которым велела направиться к своему знакомому профессору. Во время одной из следующих встреч Набросков поругался с заразившей его Зиной, после чего они навсегда расстались, и молодой человек уехал из Петербурга.

Спустя некоторое время Набросков обнаружил в кармане пальто то самое письмо, адресованное профессору. В нём Зинаида Михайловна описала историю любви своего друга и раскаялась, что оклеветала Зиную, поставив Василию неправильный диагноз.

«Впечатления провинциала в Петербурге уже неоднократно описаны талантливими перьями <...> О чём же писать?», – задаётся вопросом главный герой повести Гольдебаева, а вместе с ним и сам писатель.

Выбрав в качестве основного места действия повести город на Неве, Гольдебаев добавил во внушительную коллекцию «петербургских текстов» ещё один, может быть и не самый яркий в этой коллекции, но небезынтересный хотя бы с точки зрения тех смыслов и художественных средств для их воплощения, которыми автор «Подонков» воспользовался.

Итак, Петербург Гольдебаева – город контрастов.

Например, *«тут, на Мойке <...> поодаль от моста, царила пожалуй та темнота <...> которая могла быть допустима в близи Невского: громады сиротских домов на другой стороне реки <...> казались чёрными, чёрной была и река <...> Взбешённая скорбь при мысли о Зиночке ещё сильнее схватила за сердце в этой темноте <...> “Около семи тысяч незарегистрированных”, – шептал он убито и бессмысленно, вспомнив отчёт какого-врача-санитара о проституции Петербурга <...> ослепительный и проклятый Невский <...>»* [2, с. 149].

Реки и каналы Петербурга выполняют роль своего рода границ между территориальными единицами города. Стоит заметить, что водораздел – лишь условная черта, а основанием для противопоставления двух территориальных локаций является не внешнее несоответствие двух районов Петербурга, а социальное неравенство, пронизывающее город на уровне пространства, времени и звука.

Петербург Гольдебаев условно разделяет не только вертикально каналами и реками, но и условной горизонтальной чертой.

«Двуногие существа с членораздельной речью, которых видел и наблюдал случайный гость кабаков, трактиров и притонов, вырывали не раз тоскли-

вый вопрос: “Боже, неужто и это – люди?”» [3, с. 84–85]. «Роскошь была невероятна; толпа была блестяща: эти кавалеры и дамы, кавалергарды и сановники были действительно сливки и, и самые густые, – верхний устой аристократического балакиря» [1, с. 20].

Так, низкосортные заведения, располагающиеся, как правило, в «подвальных углах», писатель противопоставляет великолепию дворца, а маргиналов подземелья – высшему свету.

Набросков, а вместе с ним и Гольдебаев задаются вопросом: «Где <...> та страшная линия, за которой средний человек начинает опускаться до уровня нравственного чудовища, худшего из всех скотов, гадов, пресмыкающихся?» [3, с. 85]. Но этот вопрос, увы, остаётся без ответа.

Выбранная Гольдебаевым бинарная оппозиция «бедные-богатые» была отнюдь не оригинальным авторским решением. В.Н. Топоров объяснял использование писателями (например, А.П. Чеховым) в качестве основной содержательной линии **дихотомии** «бедные-богатые» тем, что петербургская беднота страшнее московской, так как вытекает она «из контраста бедности и цивилизованности, упорядоченности, организованности» [4, с. 90].

Областью пересечения двух множеств (богатые и бедные) в повести Гольдебаева выступает пространство Невского проспекта, где «непрерывная толпа озабоченного люда, надменных франтов, бегущих дельцов, сытых гуляк, рысистых посыльных, великолепных офицеров, ледяных красавиц, говорливых газетчиков...» [1, с. 16].

Обитатели Петербурга будто бы сливались в единый разноцветный поток, течение которого рождало примитивную и даже немного заунывную мелодию, состоящую из «весёлого, наглого смеха немногих счастливых и дробного, рыдающего хихиканья сотни тысячи несчастных» [3, с. 83].

Правда, иногда эта «городская мелодия» фальшивила, так как некоторые петербуржцы пытались выйти за рамки той роли, которую им отвела жизнь. Яркий тому пример – Набросков, который, чтобы впечатлить Зиночку, закупил изысканных яств, которые были ему не по карману: «Набросков похолодел: пятишница, которую он протянул кассиру, была последним его капиталом. <...> Вышел он однако со своим тучком непринуждённой походкой миллионера и даже щегольнул снобизмом, предложив даме извозчика» [1, с. 27]. Несколько дней после этого псевдомиллионер «сидел дома с утра до сумерек, тщетно стараясь заглушить боли голода» [2, с. 27].

Кстати, как отмечал Топоров, голод – «типично петербургское явление»: «он был и уносил множество жизней, пока город строился, он был во время революции, гражданской войны и разрухи» [4, с. 33].

Даже время в Петербурге для разных его жителей течёт по-разному. Эту тенденцию города на Неве ярко иллюстрирует следующий фрагмент.

«Друзья [Василий Набросков и Зинаида Михайловна Шварц] проснулись рано, в восьмом часу, наскоро составили программу дня, быстро оделись и тотчас же отправились в путь.

Жизнь огромного города, подхлестываемая двухвосткой нужды и капитала, уж текла бодрым водомётом: встал купец, шёл разносчик, тянулся извозчик, охтянка, в лице мохнолицого, доброго финна, черепахой спешила в одноколке, где дребезжали десятки кувшинов, а Ершовы, Андреевы, Филипповы, заменившие онегинского немца-булочника, уже бойко торговали <в своих обширных и богатых васисдасов.> бодрые, сытые, счастливые, отправились они побродить по Невскому, чтобы не явиться к нужным им питейцам слишком рано <...>» [2, с. 130].

Итак, как мы видим, в движение город после ночного сна приводили представители средних и низших слоев населения, представителями которого и были уфимцы Василий Набросков и Зинаида Михайловна Шварц. Петербургский же бомонд начинал свой день чуть позже.

Провинциальное время, робко пробивающееся сквозь основной временной пласт Петербурга, указывает на то, что Гольдебаев вновь противопоставляет Северную столицу провинции.

Явнее всего это противопоставление прослеживается на уровне хронотопа: *«Среди хаотического калейдоскопа грязных улиц, высоких домов, порядка фонарей, среди горячечной сумятицы города <...> выдвинулась вдруг мирная картина, полная света, яркого солнечного света, полная тишины, красоты, роскошной зелени... <...> Тёмно-зелёные склоны, пригорки, сбегаящие к реке спокойными волнами своих тенистых садов, необъятная даль с лугами, перелесками, мирным зеркалом реки, изгибающейся под скалой и ласково обнимающей с двух сторон всю эту мирную, ясную зелень, склоны, пригорки»* [3, с. 86].

«Жизни огромного города», тесного и искусственного города, которая «текла бодрым водомётом», Гольдебаев противопоставляет спокойную провинциальную тишь Уфы с её умиротворёнными природными пейзажами.

Как и в повести «Летний отдых», чтобы в полной мере раскрыть образ российской провинции, Гольдебаев даёт её описание через оппозицию к образу Петербурга, так и в повести «Подонки» эта оппозиция возникает вновь, только центр тяжести уже смещён на образ столицы. И, как и в «Летнем отдыхе», Гольдебаев вновь наделяет провинцию целебной силой, способной излечить героя от морального гниения в этом «холодном, эгоистически-чёрством городе».

«Бросайте Питер Вам надо в провинцию <...> Не то превратитесь вы тут в такого злюку <...> У вас в Питере раздёргались нервы, и вам необходимо удирать отсюда» [3, с. 124], – настоятельно рекомендует Зинаида Михайловна Шварц своему другу.

Помимо оппозиции «Петербург – Уфа» в сюжете повести заложена ещё одна, пусть и неявная – «Петербург – Москва», которая появляется во время одного из диалогов Василия Наброскова и Зинаиды Михайловны Шварц.

«Ах, Питер, Питер! <...> Ты – Русь, ты наша родная насыщенная Русь!.. <...> Уж если Москва и Русь, то не наша, не современная, а эпохи собира-

ния, со всем её бессердечием, подхалюзничеством, кровавым коварством...» [3, с. 133].

Петербург в повести Гольдебаева «Подонки» выступает не просто фоном, на котором происходят события, он играет важную роль в построении композиции произведения. Во-первых, внутренняя контрастность Петербурга, основанная на разделении жителей города на богатых и бедных, счастливых и несчастных, отражается на образе пространства города, разделённого воображаемыми горизонтальными и вертикальными границами. Во-вторых, Гольдебаев конструирует образ Петербурга посредством противопоставления столичного и провинциального хронотопов, наделяя второй – лечебной – функцией. Так, провинция предстаёт местом спасения от социальных и психологических проблем, неизбежно возникающих в столице. В-третьих, образ гольдебаевского Петербурга дополняется за счёт противопоставления с Москвой, которая, по мнению Наброскова, не является истинной Русью.

Литература

1. Гольдебаев А. К. Подонки. Повесть // Образование. 1904. № 9. С. 137–173.
2. Гольдебаев А. К. Подонки. Повесть // Образование. 1904. № 10. С. 103–150.
3. Гольдебаев А. К. Подонки. Повесть // Образование. 1904. № 12. С. 79–139.
4. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 616 с.

О.В. Пелевина

Самарский университет, Самара, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВОВ НАРОДОВ СИБИРИ В РАССКАЗАХ Р.Э. ЦИММЕРМАНА

Аннотация. Русский писатель, публицист Рейнгольд Эмильевич Циммерман, проведя несколько лет в сибирской ссылке, собрал богатый материал, на основе которого позже создал цикл рассказов о сибирской жизни. Одним из источников вдохновения для автора стал фольклор народов Сибири. В своих рассказах Р.Э. Циммерман не просто обращается к существующим поверьям, легендам народов севера, но и на основе имеющегося материала создает свои собственные авторские легенды, а также переосмысляет, наделяет новыми значениями символы, укоренившиеся в сибирском фольклоре.

Ключевые слова: Р.Э. Циммерман, самарские писатели, фольклор народов Сибири, русская литература рубежа XIX–XX веков.

Русская литература знает многих писателей, кто черпал вдохновение в культуре народов Сибири. Одним из таких писателей был Рейнгольд Эмильевич Циммерман.